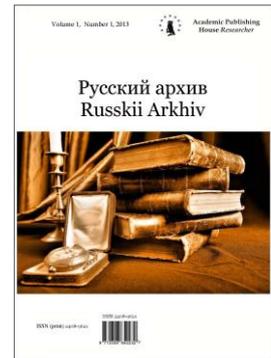

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN: 2413-726X
Vol. 14, Is. 4, pp. 321-337, 2016

DOI: 10.13187/ra.2016.14.321
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

**“And when the Germans came, we did not really interested...”:
Interview with Viktoriya Nikolaevna Kononykhina–Semina**

Preparing for publication, introduction, and commentary

Evgeny F. Krinko

Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences,
Institute of Social and Economic Research
Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

Interview with Viktoria Nikolaevna Kononykhina-Semina (1930–2016) devoted her wartime childhood. Significant place is given to the events of the Nazi occupation of Rostov-on-Don in the late fall of 1941 and summer of 1942 – winter 1943. The author recounts the memories of how relations in the family during the war, about the everyday life of the Soviet people, the perception of the enemy, and other issues. Memoirs V.N. Kononykhina-Semina is a valuable testament to the war and occupation have affected the relationship between close people.

Keywords: Viktoriya Nikolaevna Kononykhina-Semina, Great Patriotic War, oral history, German occupation, Rostov-on-Don, children of war.

Возможности использования устных источников в изучении истории Великой Отечественной войны уже обсуждались на страницах «Русского архива» [1–2]. Не раз публиковались в нашем журнале и сами рассказы очевидцев военного времени [3–5]. Данная публикация продолжает серию воспоминаний о событиях войны и немецкой оккупации советских территорий.

Автор воспоминаний – Виктория Николаевна Кононыхина-Сёмина (1930–2016) – коренная ростовчанка, свидетельница событий оккупации Ростова-на-Дону, происходившей дважды. Первый раз противник захватил Ростов 21 ноября, но уже 29 ноября город освободили советские войска [6]. Второй раз Ростов-на-Дону был захвачен 24 июля 1942 г., а освобожден советскими войсками 14 февраля 1943 г. [7]. И хотя о нацистской оккупации донской столицы написано и опубликовано немало, в том числе и очевидцами [8 и др.], воспоминания В.Н. Сёминой-Кононыхиной являются ценным свидетельством того, как она повлияла на взаимоотношения близких людей, как складывалась повседневная жизнь советских граждан на захваченной территории.

После войны Виктория Николаевна Кононыхина окончила филологический факультет. Была женой известного писателя Виталия Николаевича Сёмина, автора романа «Нагрудный знак “ОСТ”, фактически открывшего тему нелегкой судьбы восточных рабочих в отечественной литературе, а также романа «Женя и Валентина», повестей «Ласточка-звездочка», «Сто двадцать километров до железной дороги», «Семеро в одном доме» и других произведений. После его смерти много сделала для сохранения памяти о нем и популяризации его литературного наследия [9–10 и др.]. Совместно с критиком И. Дедковым составила сборник рецензий В. Сёмина [11], а вместе с критиком Е. Джичевой книгу «Виталий Сёмин в письмах, воспоминаниях и литературной критике» [12]. Мемуары и статьи В.Н. Кононыхиной-Сёминой печатались в журналах «Дон», «Литературное обозрение», «Звезда», «Знамя», «Ковчег». Искренний и интеллигентный человек, сохранявший всю жизнь любовь к хорошему слову и хорошему тексту, она ушла из жизни в этом году...

Интервью с В.Н. Сёминой проводилось 25 октября 2012 г. в ее собственной квартире Е.Ф. Кринко и Т.Г. Курбат. Расшифровывала текст Т.Г. Курбат. Продолжительность интервью составила 105 минут. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках.

Рис. 1. Виктория Николаевна Кононыхина-Сёмина

Если можно, мы начнем с происхождения, которым во многом определяется частная жизнь человека.

Вы ехали по улице Стачки и доехали до района, который называется Советский, где собственно и находится 2-я Краснодарская [улица]. Все мое детство прошло вот в этом районе, который заканчивался как раз перед Советским, назывался он когда-то так торжественно Красный город-сад. Улица Стачки тогда называлась улицей Коминтерна, и по ней не ходили ни автобусы, ни троллейбусы, ни трамваи. Это была вот такая дорога через какой-то овраг, который начинался сразу за железнодорожным мостом и вел сюда вот в эту сторону, он не мощный был. Я родилась в этом Красном городе-саде. Вот это была улица Коминтерна. По другую сторону от улицы Коминтерна в сторону Дона, тогда в 1930-е гг. шли только две улицы, одна называлась Плехановская, а дальше шла улица Парижской коммуны. Названия – чувствуете, торжественные какие? И потом шли какие-то одиночные

дома, где только намечались улицы, но по сути улиц не было. А после этого начиналось длинное поле, и на этом поле был аэродром учебный. И там летали эти «тарактелки», Ан¹, самолетика учебные, сейчас их уже нет. И вот они летали денно и ночью, и там учили молодых ребят, и они все время тарактели и мешали моей бабке. А за этим аэродромом было опять поле, и уже начинался спуск по оврагам до станицы Гниловской, и мы выходили к прекрасному совершенно роднику, могучему, чистому. И так как с водой на окраине [были проблемы], провели воду не до самого конца, то в то время, когда водопровод переставал работать, мы ходили километра за три, носили воду. Потом это пригодится в моем рассказе. Я жила на самой окраине Ростова, по сути, за нашей улицей было только две, и тут Ростов уже заканчивался. И когда немцы пришли, мы их не очень интересовали, мы были окраиной Ростова. И после того, как они вошли в Ростов, они к нам явились, может дня через два, три и даже через четыре дня после того, как мы уже слышали, что немцы на ростовских улицах.

Виктория Николаевна, а кем были Ваши родители?

Люди, которые селились на вот этих окраинных улицах – это был совершенно, так сказать, особый социальный состав, его можно назвать точнее всего словом плебс. Это были люди, приехавшие из деревень в 1920-е гг., устроившиеся на работу в Ростове, и им давали участки такие на окраине Ростова для того, чтобы они строились. Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома² – Вы знаете. Или планкованный дом³ – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 г. построил мой дед, в котором я и родилась. Люди, там жившие, я Вам скажу, вот в нашем квартале не было ни одного человека с какой-то интеллигентной квалификацией, это все были люди, работавшие внизу, на самых низких таких должностях, работавшие руками в основном – там каменщики, строители, работяги, вот такие вот были. Интеллигенции там не было вообще ни одного человека. Так что даже моя мать, окончившая 7 классов, но с хорошо подвешенным языком женщина, она считалась интеллигенткой. Она работала в участковой комиссии, она писала там всякие справочки, выдавала, помогала руководить, и все считали, что она интеллигентный человек. Даже моя бабка, которая окончила один класс, но читала, у нее был любимый роман «Анна Каренина», и то она считалась удивительным человеком. Там очень простые люди, поэтому никаких, знаете, в войну (уже война началась) высоких разговоров, никаких терминов типа «советская жизнь», «советский человек» – этого не было вообще, совершенно! Там были озабочены выживанием в основном, работой своей.

Вместе с тем немцев не любили. Почему? Немцы войну начали. Опять же слово «фашизм» я не помню из своего раннего детства. Было слово «немцы», и были даже не русские и не советские – наши. Конечно, война была большим ударом для всех, потому что там у нас из этого нашего квартала, наверно, человек 6–7 забрали на фронт, а потом, когда пришли немцы, то они забрали в Германию троих. Что такое квартал – на этой стороне домой 20, вот таких вот простеньких, на этой стороне – домов 15. Вот это наш квартал. Этих людей я прекрасно знала. Дворы были открытые, заборчики были маленькие, мы все друг о друге знали, понимаете, так сказать, всю подноготную, общались просто. Вот улица, она была не вытоптана, а вся покрытая зеленой муравой, и вот вся ребятня на этой траве резвилась. Общение с некоторыми было несколько сдержанное. С кем было сдержанное общение? Была одна семья, которая жила как раз в кирпичном доме, они относились ко всем высокомерно. Видимо, это были из старинного мещанства, не интеллигенция, а мещане какие-то были вот, такие вот. Еще одна семья была сдержанная, потому что мама была певчая в соборе, у нее был голос [хороший], и тоже как-то не со всеми общалась. А соседняя семья была – она нас поразила, когда эвакуировалась, уехала вместе с немцами. Немцы уходили из Ростова, и они прибежали к нам прощаться. Там было трое маленьких

¹ Вероятно, имеется в виду По-2 (или У-2) – советский многоцелевой самолет-биплан, выпускавшийся в СССР в 1928–1954 гг. Самолет-биплан Ан-2 выпускался в СССР с 1947 по 1971 гг.

² Саман – кирпич-сырец из глинистого грунта с добавлением соломы, высушенный на открытом воздухе.

³ Другое название – шелеванный, турлунный или глинобитный каркасный дом.

детей, женщина и бабка, а муж сражался в это время на войне на фронте. Они уехали, они были из Западной Украины, выяснялось это все из разговоров.

Вот, я вам расскажу о главных событиях, которые происходили и могут какой-то свет на это пролить. В Ростов немцы приходили дважды в ноябре 1941 г. и 22 июля 1942 г. И вот когда они пришли первый раз, перед этим, конечно, были бомбежки. Рано узнали в Ростове, что такое бомбят. Но у нас вот наш район не бомбили немцы, хотя их страшно интересовала через Дон переправа. И вот на переправу немцы с запада летали, бомбили, и мы слушали все эти звуки. Поэтому, когда начались вот эти вот бомбежки, хотя тут нас не очень бомбили, но мы все испугались и кто-то подал идею. Идея была такая: за три года до войны выстроили вот как раз угол к углу с нашим домом огромную четырехэтажную школу, я в ней проучилась три года, а когда началась война, там сделали лазарет, госпиталь. И кто-то подал идею: а вот не спрятаться ли нам в подвалах этой школы. Школа – такая солидная, могучая, и перекрытия кто-то видел, какие, и народ местный весь поперся в эти подвалы. И я помню, как шли с раскладушками, подушками, табуреточками. И просидели по сути дела всю эту неделю. Пока немцы были в Ростове, очень много людей, мы просидели в подвале. Выходили в туалет, домой побегим, еду приготовить. Там мамочки бегали, потом приносили, детей кормили. Таким я помню первое присутствие немцев в Ростове. Однажды кто-то пришел и говорил: «Ой, по нашим улицам машина с немцами ехала». И это было событие. И еще мне запомнилось, когда сказали, что, не знаю, какой-то среди нас был разговор, и учитель с нашей школы, звали его Карп Захарович, чтобы обратить всеобщее внимание на себя он сказал: «Товарищи». А потом подумал и сказал: «Впрочем, мы, наверно, уже господа». Ну, народ как-то учитывал все эти изменения. Вот, а второй раз немцы пришли и попали к нам на третий или четвертый день. А что было в промежутке? В этом промежутке были очень некрасивые события. Прежде всего, стали грабить эту школу, из которой эвакуировали заранее раненых.

Жители грабили?

Конечно, жители, только местные люди. Это была ужасная картина. Из окна нашего дома все было видно, и вот я видела, и члены моей семьи видели, как тащили, по-моему, и постельное белье, и сетки какие-то, посуду.

Жили мы тогда такой семьей. Отец мой был железнодорожником и его поэтому не мобилизовали, работал он диспетчером в управлении железной дороги на Театральной площади¹, можете себе представить, если не ходили трамваи, как ему было добираться до его работы. А потом, когда, собственно, второй раз немцы пришли, то отец уехал со своими железнодорожниками, эвакуировался, просто ушел. И остались, значит, так: моя мать, женщина лет 33, очень интересная, мой брат младший, ему было лет шесть, ну и мне лет 10–11. Я родилась в 1930 г. И кроме того, жили родители моего отца: мать, полусумасшедший отец и мать матери, т.е. моя прабабка еще жила – трое стариков. И вот, собственно, мать осталась – единственная движущая сила, обеспечивающая вот эту семью. В этот промежуток, пока не пришли немцы на окраину, Женька, мой брат был, и еще в это время бабушка моя взяла девочку, рожденную ее умершей дочерью. Девочка была ровесницей моего брата, ей было 5–6 лет, Инка. И нам наказали: «Сидите дома, никуда не ходите». И потом вдруг кто-то кинулся из взрослых: «Где дети?» Это во время «грабильки», когда несут все это дело, кинулись – детей нет, Жени и Инны. Кинулись в сад. При каждом доме был сад, это очень соблазняло, кстати. Вот люди, которые получали эти квартиры, все-таки шесть соток это, по-моему, называлось, и у нас было, дед там построил, когда был здоровый, вот эту беседку и еще виноградный накат, ну, уютное такое было жилье. Кинулись в сад, в беседку – нет детей, побежали по соседям. И вдруг я вижу, что эта парочка тянет оттуда вместе с грабителями. Они несут прикроватную тумбочку, знаете маленькие совсем. И вот они волокут домой, видимо их подхватила вот эта волна, и они тоже пошли грабить, и приволокли эту самую... В общем, смеялись потом все, не столько ругали, это было смешно и весело, мы их так потом и называли – грабители. Вот эти события. Но было еще одно такое страшенькое событие. Дело в том, что когда немцы вошли, но мы их еще не видели, вот я вам сказала, что здесь был длинный ряд домов, а здесь был короткий, и было свободное

¹ В то время – Азово-Черноморская железная дорога им. К.Е. Ворошилова. В настоящее время – Северо-Кавказская железная дорога, филиал ОАО «РЖД».

место. Его поделили на огороды между жителями и сажали там, в основном, кукурузу, потому что если бы сажали овощи, то воровали бы. И вот там мы вдруг слышали стрельбу какую-то. Ну, стреляют и стреляют, все ж по домам сидят. А тут у нас жила в одном доме молодая девица, которую считали такой, прямо говорю, ее все на улице называли «шалава беспутная». Дом принадлежал ее родителям, родители куда-то исчезли, никто не знает куда, она жила в детском доме, а потом, когда подросла, вернулась в этот свой дом. И вот она жила, вольная девица такая.

А сколько ей лет было?

Ну, сколько? Лет 18–19, звали ее Тонька. И вдруг я слышу, вижу, как выбегает из своего дома, бежит сюда вот по направлению к нашему дому и кричит, рыдая: «Тетя Нина, тетя Нина!» К маме часто обращались люди, она была общительная, неглупая очень. И вот мчится эта Тонька. Мать высказывает: «Что такое, что случилось?» И эта рыдающая Тонька говорит: «Да там же в кукурузе немцы наших мальчиков постреляли!» Выяснилось потом, что там, видимо, прятались наши бойцы, которые не успели уехать. Что там потом увидели, когда люди туда взрослые пошли? Кто-то вроде был, ходил. Нашли там трупы – не нашли, до наших детских ушей это не дошло просто. Но вот такая была жуткая история, и меня поразила эта Тонька, которая призывала мать на помощь, что вот твоя помощь нужна, пойдй, посмотри. Мать туда днем не пошла, она понимала, что у нее семья. Страшно было идти, опасно.

Отец на работе в это время был?

Немцы уже уходили, а отец уже уехал, эвакуировался. Это ж вот как раз немцы вошли, а на окраине нашей непонятно, то ли немцы, то ли кто. Мне вспоминается еще одна какая-то деталь. Когда настала вот эта тишина, когда никто не знал, где наши, где немцы, я увидела, как по улице бежит боец, наш, советский боец, красный, потный, и он бежит в сторону Дона. Видимо, он отстал и хотел переправиться как-то и мчался туда, уже не глядя, не разбирая ничего...

Без оружия?

Нет, у него что-то было в руке. Вот это мне запомнилось. Еще один страшный случай. Вот в тот же день, когда была эта грабировка, вечером, в тот же день в школьном дворе бочки то ли с бензином, то ли с керосином. Ну, вы знаете, какой это дефицит страшный был: и примуса, и лампы горели только на керосине. И вот бабы, учуяв это, пошли с ведерками подербанить, разобрать и так далее. И вот пока они этим занимались, какой-то идиот бросил спичку. Вы можете представить, что получилось. Я могу только вспомнить бегущую по улице женщину, почти голую, с черными какими-то пятнами, она бежала и кричала, глаза у нее были сумасшедшие. А двое сзади пытались ее удержать как-то, либо родственники, либо знакомые. И потом говорили о том, что несколько женщин очень сильно обожжены. И все время вспоминали: «Ой, вы знаете, бежали все, а я помню, что там кто-то еще катался». И потом выяснилось, что сгорела наша соседка Тамара, милейший человек, у которой было двое детей – маленькие дошкольники. Вот такие события.

Ну, первое появление немцев. Я помню, матери почему-то не было во дворе, не знаю, где она была, может в саду. А я на ступеньках сидела, и сидела бабка моя. Бабка моя была таким удивительным человеком редкого спокойствия, уравновешенности, очень неглупой, доброе ясное лицо, приятное, ее все любили, Мария Трофимовна. Она сидела во дворе под этой нашей виноградной крышей и что-то то ли шила, то ли вязала, какая-то ручная работа. Вдруг прибежала соседка и сказала: «Немцы на нашей улице». И убежала. Я тогда стала выглядывать через забор, заборчик низенький. И я увидела, как в том конце улицы из одного двора выходил немец и входил в соседний двор. Я стала ждать. Он вышел из соседнего двора и зашел в другой. Я поняла, что он обход какой-то делает и, видимо, все-таки дойдет и до нашего дома, там всего-то домов десять на одной стороне. И сказала бабушке, что он и к нам придет. И все выглядывала, ждала и смотрела, как выходит из двора во двор. И вот он дошел до нашего дома, вооруженный немец. Калиточка у нас, открыл калитку, вошел и что-то сказал по-немецки. И вот тут я была – одно из детских потрясений – я посмотрела на лицо бабки. Это был не испуг, нет, было какое-то оцепенение, и черт его [знает], я до сих пор не могу найти слово, которое бы точно обозначило выражение ее лица. Это было то ли смущение какое-то, ну это не просто страх был. Он опять ей что-то сказал,

она покачала головой и сделала знак, что она не понимает. Он так рукой махнул озлобленно и прошел в наш дом, двери-то в дом открытые всегда, сразу вышел и не слова говоря, ушел.

Мы потом догадались, что он делал. Он смотрел квартиры, нужно было разместить немцев по домам, и он осматривал. И в самом деле, то ли сегодня вечером, то ли на второй день к нам пришли немцы. В каждый двор пришли немцы. Ну, по трое, по четверо, по два человека, в зависимости от вместимости. К нам пришли трое, ну так подглядывала я за ними. Один был маленького роста, черненький, совсем не похожий на стереотипный этот образ немца и, видимо, низкого чина, потому что ничего, никаких регалий на нем не было. И он сразу привязался к моему брату Женьке, маленькому. Стал с ним на корточки, разговаривал с ним, погладил его по голове. А Женька оцепенел, потому что знал, что немцы – это страшно. Потом, через некоторое время, снова стал с ними разговаривать, моему, он сахарок ему давал. И потом стал бабке, которая рядом оказалась, пояснять знаками, что у него дома тоже вот такой, и такой тоже беленький, красивенький. Брат был невероятно хорошенький. И вот он от него просто не отходил. Как только Женька появится, так он начинает затрагивать его и ласково разговаривать. От этого немца мы в семье ничего плохого совершенно не видели. Он в первой комнате ночевал.

В следующей комнате, они две комнаты проходные заняли, поселился очень высокий немец, который ходил, и как бы никого не замечая совершенно. Он меня поражал, как он быстро и четко ходит. Ну, ничего дурного не делал. А ночью мама уложила нас спать с Женькой таким образом. Полуторная кровать у нее, и она положила Женьку рядом с собой, а меня положила в ногах, я не понимала, почему. Ну, раз мама сказала, значит вот. Так вот мы и лежали. Я проснулась от каких-то разговоров, шевеления. И я увидела, немца, который стоял лицом к матери, и как-то пытался ее трогать, и увидела руку матери, которая пыталась его отталкивать. Ну, такое полудетское воображение было, но что-то понимала. И он ушел, я зашевелилась так, и больше он к матери не подходил, хотя они жили еще дней семь. Бабушка моя, про которую я рассказала, она была еще и юмористка, и она при мне сказала: «Нинка...» Как она называла – это была ее невестка: «Нинка, ты посмотри на этого немца, красавец ведь, всю жизнь будешь жалеть». Но все было тихо, ничего он не трогал.

А третий оказался совершенным негодяем. Он мне запомнился, потому, как он всегда был одет. Эти двое всегда ходили в брюках, а этот носил длинные трусы. И он мне запомнился еще тем, что он был в носках и, знаете, раньше были такие резинки под коленом, которые пристегивали. И на нем были вот такие резинки, которые держали его. И почему мы сразу поняли, что он хам. Напротив соседи наши жили, это вот те, которые с немцами уйдут. А тут, значит, у нас вот такой огороδικ перед ними и, по сути, никакой там загородки не было, и сразу начинался их маленький огороδικ, пред их дверями. И, значит, женщины сажали помидоры, огурцы, мелочевку всякую. Видимо, у него в доме у соседей был приятель, к которому он все время ходил, то туда, то отсюда, бесконечные путешествия. И он ходил, не разбирая, топча эти помидоры и огурцы, которые мать с такой любовью поливала, еще и воду носила с Дона. Вот он никого не видел, никого не замечал, вот он шагал по этим помидорам, мы только и запомнили, что он то туда, то оттуда. Говорил громким голосом, вызывал его, что-то ему по-немецки кричал. Но потом они ушли, увели их. Так закончилось их первое присутствие.

Потом у нас через некоторое время поставили на квартиру румын. Они заняли две комнаты, прогнали нас в те две первые, а сами заняли вторые. Их было очень много, и все время было накурено, страшно в тех комнатах накурено. Правда, одно было счастье, так как электричества не было, и мы просто отвыкли от электрического света, а они там что-то устраивали, и у них всегда яркий свет горел. И мать вдруг вспомнила, что у нее в ящиках стола, который в центре комнаты стоял, лежат две замечательные вещи, которые она берегла на случай края, поменять их на продукты. Там лежало такое сукно, отрез и еще какая-то ткань. А все говорили: «Румыны – это воры». И она вдруг вспомнила, что нужно войти и достать это сукно. Но когда она смогла войти, сукна уже не было, украли. Но они, правда, не трогали, иногда просили там посуду какую-то, указывали, показывали, что им нужно. Но ничего дурного они не сделали. Вот это, что касается постояльцев.

Ну, вот когда немцы совсем ушли, и мы, собственно, немножко осмелели, такая ребятня моего возраста, там 11–12 лет, даже однажды отважились пойти в центр города.

Потому что говорили, что там церковь открыта, и так в церкви красиво поют. И вот третья девочка среди нас, она странноватая была, звали ее Женя...

С улицы?

Да с улицы, но не у нас, а на соседней жила. Она была странная вот в чем: она хорошо относилась к немцам, а чего, дескать, подумаешь, чего немцы такого плохого сделали. Это, несмотря на то, что отец ее был в армии советской. Мать была у этой Жени странная. Мать была глубоко верующий человек, и еще в этой семье была неприятная черта, мать считала, и очень часто, когда встречались, она всегда евреев ругала. И Женя эта тоже, значит, дескать, говорят, что всех ростовских евреев будут стрелять, ну и правильно, вот, дескать, они стреляют. На что моя другая подружка разумно сказала, но они же могут и ошибиться, и не еврея там какого-то... Женька сказала: «Есть примета, по которой даже я точно могу сказать, еврей или не еврей». А что за примета – нельзя говорить, так сказала. Так что вот такие были у деточек настроения.

Теперь я собиралась вам рассказать одну смешную историю в связи с этим самым родником. Немцев никто не любил, не поддерживал, хотя, я говорю, никто не употреблял слово «фашисты». И в тоже время никто не говорил «советские солдаты» или «советская армия». И, конечно, ругали войну, страшно ненавидели немцев, не любили, потому что они ж начали войну, потому что, я ж говорю, забирали и мужчин, а потом детей. В общем, и голод, и холод, и черт знает что, и жизни никакой нет, есть-то нечего было. И у нас на улице только один человек все пытался в разговорах, когда вот соберется группочка такая, он все защищает немцев: «Что вы думаете о немцах, да это самая культурная нация в Европе!» Он даже что-то из истории немцев говорил, что они культурные. А дальше получилось вот что. Когда немцев ставили по квартирам, то поставили и к нему. В первый или второй день, как немцы обосновались, значит, немецкий солдат или, я не знаю, кто он там по чину был, протянул ему ведро и дал знак – вода нужна. А за водой-то идти километра три нужно к Дону, туда все ходили. Короче, взял он два ведра, коромысло и пошел. Принес воду и поставил этому немцу, улыбнулся. Тот вылил ее куда-то и опять и ведра этому – иди, неси. Короче, он целый день носил ему воду, и так над ним потом соседи смеялись: дескать, ну как тебе культурные немцы? Фамилия этого человека была, по-моему, Савва, вот так она писалась. Он был немножко сумасшедший, придурковатый, в армию его почему то не взяли. Короче, Савву проучили, и больше он немце никогда не хвалил.

Виктория Николаевна, а отношения хорошие в семье были?

Отношения были такие. У матери был очень себялюбивый характер. Она была красивая женщина, почему немец и подошел к ней. Красавица, легкая походка, подвижная...

Она не работала?

Она окончила 7 классов. Она прекрасно училась, при этом говорила, что родители ее обижали, что у нее не было ни одного учебника. Она училась лучше всех в классе, у нее была великолепная, блистательная память, если что-нибудь ей прочтешь, процитируешь, а я в детстве очень много читала, страсть к книжкам была.

Это от мамы?

Не знаю, по-моему, нет. Она меня как-то не очень любила, она больше брата моего красивого любила, а я была страхолюдная такая. Очень самолюбива. И она всегда посмеивалась над характером бабушки. Бабушка имела такт не затевать никакие скандалы, разборки. Бабка была умна, несмотря на то, что у нее образования был один класс. А дед был полусумасшедшим почему? Вот в этом страшном 1937 году, там же еще вот что, собственно, семья какая. Дед был большую часть своей жизни железнодорожным кондуктором. У него было шестеро детей, ну, двое как-то рано умерли и остались четверо, четверых он вырастил. Бабка нигде не работала, потому что были дети, которых надо воспитывать. И, тем не менее, бабка мне говорила: «Все-таки мы раньше жили». Говорила она так спокойно, бесстрастно: «Потому что видишь, дед работал, а кто он был, подумаешь, кондуктор, а вот, смотри, у нас и мебелишка какая-то, и ковры». Правда, у них на стенке и на полу ковры были: «Он же, дескать, не воровал, так мы жили при царе, а при советской власти что? Вот у меня были какие-то подарочки, золотишко и серебришко, да я потом, чтобы спасти семью...» Вы знаете, были такие организации, куда сдавали...

Торгсин...

Бабка: «Так я все в Торгсин отнесла», – говорила она. Она говорила, но в ней не было дурного азарта, в бабке. У деда старший сын Вася вступил в партию и даже, как бабка мне говорила, работал директором Дома пионеров в Ростове. Второй сын, мой отец Коля, он интересовался спортом, не очень любил учиться, окончил семь классов, окончил какие-то продолжительные курсы в Москве и начал работать диспетчером. Какое-то время он работал помощником машиниста, потом машинистом, а потом окончил эти курсы и после них получил повышение и работал на Театральной площади, вы знаете, где это управление. Он, по-моему, больше всего любил мать мою, он очень был к ней привязан. Муля так умела разжигать скандалчики, обращала внимание, что с ней поступили несправедливо с той стороны. Ну, старая бабка была просто очень старая. Но я знаю, что она в молодости своей работала прислугой в одной из самых богатых ростовских семей. Были такие богачи по фамилии Корякины. Потом эта семья разорилась, отец все в карты проиграл. А значит те, кто остался в этой семье, уже очень пожилые женщины, они изредка приходили к нам на окраину из центра в Красный город-сад повидать Вассушку. Они были такие вежливые, воспитанные аккуратненькие, я чувствовала, что это люди из другого мира. Трое их было, одна постарше и две помоложе, и одна с трудом говорила, видимо, болезнь какая-то.

А дед почему стал полусумашедшим? В 1936–1937 гг. за 11 месяцев умерло трое взрослых детей. Вот старший сын Вася от скоротечной чахотки и две дочери, хорошенькие были.

Один сын Коля остался?

Да, один Коля, который тоже погиб в 1944 г. Ну, вот, после того, как умерли эти трое детей за 11 месяцев, бабка это как-то перенесла, она осталась в своем уме, а дед тронулся. Он сначала, как вам сказать, тронулся не очень сильно, но работать, как он раньше работал на железной дороге, он уже не мог.

Дети умерли своей смертью?

Туберкулез. Это как раз был год посадки, 1937 г. Вот они умерли от туберкулеза, трое меньше, чем за год. Причем вот от одного осталась вот эта дочка Инка. Бабушка взяла ее к себе на воспитание из дома ее отца. И потом дед работал, я вот в школу пошла учиться, а потом он в эту школу поступил звонком давать сторожем. И потом становилось ему все хуже и хуже, и где-то к концу войны он уже совсем слег и ничего не понимал. Он иногда вставал с постели и бродил совершенно голый. Так что бабка его заворачивала и укладывала. Ночью он ее прогонял с постели. Я слышала, как он говорил: «Женщина, вы кто такая?» Это он говорил бабке, которая на двуспальной кровати с ним лежала. Она говорит: «Вася, ну успокойся, это я». «Как вам не стыдно», – он начинал и такие долгие речи говорил.

А Вы все слышали?

Слышала, я уже взрослая, лет 14 мне было, когда конец войны настал. «Бесстыжая, прити лечь в постель к чужому мужчине, уходи вон!», – и сталкивал бабку с постели.

Отношения во время войны между близкими ухудшились или улучшились? Война повлияла на взаимоотношения в семье?

Да знаете, это вопрос сложноватый, потому что, с одной стороны, характеры, как у моей мамы, неугомонный ни в какой ситуации. С другой стороны, они же друг в друге нуждались. Моя мать часто уходила на «менку». Это женщины по двое, по трое, иногда по четверо собирались и брали какие-то свои вещички ношенные и переносные, мать моя шила немножко, она что-то перешивала из старья. Вот и шли менять вот эти вещи на продукты. Очень ценились спички и керосин.

А куда ходили?

В ближайшие и в отдаленные села. И вот моя мать, которая чуть пониже меня была на полголовы, знаете, она иногда до 20 кг приносила: зерно приносили, сало, масло, ну, кормить нас же надо было. Потом понимаете, вот что началось еще, когда немцы уже так, видимо, устроились в Ростове, то стали нас посещать какие-то назначенные старосты. Ходила такая странная худенькая интеллигентная женщина, ее звали Женя, и она составляла списки и нам дали карточки. Мать, значит, получила карточки, и нам давали по 200 г, ну, естественно, на иждивенцев, а как на работающих – не знаю. Кто не работал, вот по 200 г. Потом, когда нас освободили, и пришли наши, и вместо 200 стали давать 300, все ехидничали, подумай, наши называются.

А хлеб немецкий съедобный был?

Ну, про хлеб я сейчас расскажу. Вы говорите, какая семья... Дед ненавидел советскую власть, даже не столько советскую власть, о власти он ничего не говорил, он ненавидел Сталина. Вот сцена: мы обедаем за столом, дед берет хлеб и долго на него смотрит и начинает петь. Он был небольшого роста, а бабушка была крупная, белотелая. И вот он начинает петь, а бабка ему говорила: «Вася, ну, опять ты эти свои анафемы затянул, а вдруг кто-нибудь услышит». А он пел проклятия Сталину, который вот такой хлеб, вот таким хлебом наделяет, который нельзя в рот сейчас взять. Ну, в самом деле, вы же помните 1933 г., это голодный, я даже помню, как макуху сосала. Значит, когда он пел до войны в 1936–1937 гг., когда его дети умирали, и лечить их не на что было. Он ненавидел Сталина. А сын в партию вступил, старший Вася этот. Так что вот такое вот.

Отец очень любил мать, я сказала, но мать все время пожарчики какие-то разжигала между ними, ну а, в общем, они друг в друге нуждались. Но однажды мать меня поразила, нехорошими какими-то качествами. Продукты доставал не столько отец, на его зарплату нельзя было ничего достать, сколько зарабатывала на кормежку мать, вот этими своими походами на «менку». И мать вдруг потребовала, чтобы мы жили, да она и раньше этого требовала, чтобы мы жили со стариками отдельно, она не может всех прокормить.

Это во время войны?

Ну конечно, она, собственно, начинала это еще и до войны, но во время войны, так сказать, решительно: «Я не могу кормить всех, меня не хватает на всех». Я помню такой день, как-то я определила, я увидела, что бабушка Маня лежит, накрывшись, не встает, а отец с матерью о чем-то страстно, но тихо говорят, а оказывается, у бабки нет никаких продуктов, совершенно, есть нечего! И отец требовал, чтобы мать что-то из своих запасов [выделила], а она отказывается. То ли так трудно было. Но мать моя во время войны совершила один подвиг, я так понимаю. Сейчас расскажу. Когда ближайшие села были исхожены, и никто уже ничего не менял, значит, нужно было ехать туда дальше, ближе к Краснодарскому краю, ближе к Кущевской, вот туда. И вот три женщины, у каждой дети, они собрались и поехали, и среди них моя мать.

Как поехали?

Сейчас скажу. Они сказали так, что мы туда не дойдем, вот, давайте пойдем на станцию. Поезда идут в ту сторону через Батайск, сядем на какой-нибудь поезд, прицепимся. И это было не раз, что они просто на подножках доезжали куда-то, а потом соскакивали и шли куда надо. И вот в это раз они решили поехать. Они пришли. Какой-то состав, который вот-вот отправится. И когда они открыли, как они потом рассказывали, дверь в тамбур, дверь оказалась открытой. Они вошли в тамбур и стоят. Вот поезд уже дергается, вот-вот сейчас поедет, никто не выгоняет и не проверяет. И вот поезд, значит, отъехал немножко, и вдруг кто-то стучит в дверь. Видимо, они ее плотно закрыли. Стучит в дверь и по-немецки кричит, и тут моя мать сказала: «Держите». Видимо, был страх, что он войдет и перестреляет всех, и вот они, три бабы, держат дверь за ручку вот так, а поезд все набирает и набирает скорость, и мать опять же говорит: «Бросайте сразу». И дверь открылась, видимо, он тянул как-то, но, естественно, на лестнице никого нет. Так как этот поезд остановился, эти три бабы «дунули», значит, из поезда поскорей, в степь уйти подальше. Убили они этого немца или кого? Это ж не мать рассказывала о себе, она ж могла себя похвалить, а эти две женщины рассказывали. Вернулись они благополучно.

Семья неверующая была?

Вы знаете, нет. У бабки моей были такие воззрения, я как-то даже говорила с ней, что: «Бабушка, смотри, все ходят в церковь, а ты не ходишь».

Это в детстве говорили?

Да. На что бабка мне сказала: «Вот я расскажу тебе одну притчу, чтобы ты поняла. Вот был один праздник, и все шли в церковь молиться, а жила одна бедная женщина, вдова с большим количеством детей. И сорвало у них крышу ветром, так вот, сосед ее не пошел молиться, а остался в этот великий праздник, починил ей крышу. Так, как ты думаешь, кто богу будет ближе?» Это бабкина философия. При этом она была очень добрым, очень порядочным человеком.

Мама тоже была неверующая?

Ну, мама ругалась матом в бога.

Вас не крестили?

Нет, меня крестили. Был совершенно особый случай, когда мне исполнилось года четыре. Вот почему меня мать еще не любила, у меня началось-то, врачи сказали, что это была какая-то аллергия. Тогда же об аллергии не знали ничего. У меня лицо весной и осенью покрывалось жуткими волдырями, и руки, и ноги, живот был только чистым. А то я страшный вид какой-то имела, и я помню, как меня папа повел на какой-то праздник к себе, туда, в управление дороги, а меня не пустила женщина, стоявшая в дверях, побоялась, что у меня заразное что-то. Я помню, как у него тряслась рука, он очень любил и жену, и детей. Меня особенно любил, может, потому, что я болела. А мать меня как раз не очень любила. Ну, как-то надо было меня лечить. И кто-то сказал: вот там есть бабка-шептуха, вот она вышептывает болезни. Пошли к этой бабке-шептухе, а она спросила: «Ребенок крещеный? – Нет. – Крестите!» Привели меня в церковь, девица здоровая, уже года четыре, а нужно было окунуться головой. Как так? Дико совершенно! И я, значит, батюшке ударила по руке и сказала: «Пошел к черту!»

Это от мамы, наверное, набрались?

Наверно. Вот такие вот дела, понимаете.

Но крестили?

Крестили, и она шептала, шептала и ничего это не помогло, и потом какой-то умный врач сказал матери, что с возрастом это все пройдет. И прошло с возрастом, я выросла, и становилось все меньше и меньше. Но еще в 9 и 10 классе появлялись какие-то... на руках.

А во время войны не было желания в церковь сходить?

Больше из любопытства, потому что все вдруг побежали в церковь.

Церковь открылась или работала до войны?

Вы знаете, до войны я не ходила, а тут вот сказали, что, во-первых, наша центральная церковь...

Гниловская?

Нет, не Гниловская, а та, что на рынке, на базаре. А вторая в этом районе, который называется Ленгородок, там трамвай семерка ходит. Там церковь тоже какая-то открылась, и вот эта наша третья подружка Женя, которая евреев не любила и говорила что все немцы хорошие, она нас постоянно тянула.

А ей это зачем?

Ну, она, видимо, считала, что надо помолиться. А мы с Верой больше так, из любопытства, потому что все идут. И мы пошли. И там, в церкви, Жене этой стало плохо, сознание потеряла, мы ее вытаскивали из толпы, приводили в чувство.

Больше не ходили после этого?

Вы знаете, как-то во взрослой жизни. Раза два зашла и поняла, что не мое, не надо.

И родители не обращались?

Да нет, я ж вам говорила, мать бога ругала. Она так вообще научилась ругаться...

До войны?

Я думаю, сразу после того, как отца не стало в 1944 г.

А как отца не стало? Он же эвакуировался в 1942 г.? Он не мог семью с собой взять, не разрешили?

Да вы что, какой-то там диспетчер... Что такое диспетчер...

А он сам хотел эвакуироваться?

Я расскажу, это дело сложное какое-то. А вот, что еще нужно о матери сказать. Значит, отец эвакуировался, вошли немцы, и кто-то из соседок сказал, придя к нам: «Нинка, вот твой муж в последний день уезжал, а там, на вокзале убитых...» И она пошла на вокзал и, как она потом рассказывала, что там лицом вниз люди перевернутые были, она по одежде не узнавала. Так говорила: «Я переворачивала и смотрела: Николай или не Николай». Так и не нашла. Вот такой характер был у матери, она ничего не боялась.

Потом Семин расскажет о матери в своей повести «Семеро в одном доме», там такая героиня у него центральная Муля – это моя мать. Вот у Семина тоже судьба была драматическая. Он же был в Германии с 1942 по 1945 гг. Виталий был старше меня на четыре года. Значит, когда пришли немцы в 1942 г., ему как раз исполнилось 15 лет в июне, а в июле уже немцы. И он жил с матерью, а не с отцом. Мать с отцом давно разошлись. У него был отчим, прекрасный человек, еврей, Пинхус Шолимович. Он был тоже на фронте,

воевал. Значит, Виталий и его мама. Квартиру, где они жили с Пиней, разбомбили, и мать перешла в квартиру, принадлежавшую бывшему мужу, и они там с Виталием жили. И они приходили, описывали и записали, что Виталий подлежит отправке в Германию. Виталий с большим напряжением душевным эту историю рассказывал.

Когда рассказывал?

Когда мы поженились. Нет, еще не были женаты, но уже собирались, он мне доверял.

Это в 1950-е гг.?

Мы поженились в 1956 г. Виталию уже было 29, а мне 25. И он рассказывал такую историю, что предписано было всем тем, кого занесли в списки, явиться на станцию с вещами. И он вспоминает, как они пришли на станцию ростовскую. Толпа стоит, значит, эти дети, которых будут отправлять, и не только дети, и люди, не имеющие детей, вот они подлежали отправке туда до определенного возраста. Да, и мама пришла его провожать. И вот настал момент, когда они попрощались, и всех их отвели туда. И посадили, как Виталий рассказал, в «телячьи» вагоны. Он говорил: «Я сижу в вагоне и чувствую, что не могу, лучше умереть». Он говорит: «Я выскочил из вагона, вагон стоял близко к выходу из вокзала. А на воротах стоял то ли немец, то ли полицейский вооруженный, ну, который охранял. Он никакого вопроса не задавал, ни воспрепятствовал, и я подбежал к матери и сказал: “Мама, я никуда не поеду”. А она ответила: “А ты подумал, что с нами будет?”». Она странная женщина была немножко. И опять же Виталий вспоминал, что когда он вернулся из Германии, через три года после этого он говорит: «Дома у нас была моя тетка». Тетка по отцу, он ее очень любил, она его как-то поддерживала, присматривала за ним. И он говорил: «Тетка рыдала, увидев меня, а мать встретила меня, так как будто я приехал из пионерского лагеря». А он приехал такой уже доходяга! Такая была Вера Федоровна, странноватая женщина, эгоистичная.

Что было с Вашим отцом, когда он эвакуировался?

Да, отец вроде бы эвакуировался. Не вроде, а уехал. Вдруг, через месяц, немцы в Ростове, возвращается. Он говорит, такая, по крайней мере, версия существовала для соседей, может быть, для детей. У меня подозрения потом родились, понимаете? Значит, то, что окружили уже, и ехать некуда, и пришлось вернуться. Он даже называл имя своего друга, который с ним работал, и который тоже вернулся и жил в Батайске. Даже вот имя помню – Терентий Баленко. Пришел отец, возвращался он, назвал какую-то дальнюю-дальнюю станцию. И говорит, что шел он ночами, возвращался и показывал, что ноги совершенно были стертые, в страшном виде. И лучше всех встречал его наш пес Мишка, огромная рыжая собака, которая с такой страстью кидалась и встречала хозяина. Ну, в общем, отец тут остался, и значит, так считалось, что он пришел из окружения. Но у меня потом просто по некоторым таким деталям возникли сомнения, а не вернулся ли отец, потому, что вот он жалел, потому, что такая семья, и мать одна. Вот та самая мать, которую так любил. Я не знаю, так или это было, но подозрения, вот я честно говорю, подозрения у меня такие были.

Сейчас еще расскажу одну такую сцену страшную. Брат маленький Женя сидит, смотрит в окно и вдруг кричит страшным голосом: «Мишку убили, Мишеньку убили». Оказывается, собака наша была. Кстати, собаки жутко боялись немцев, вот, странная штука. У нас же почти в каждом дворе была собака. И вот собаки что-то чувствовали, они не выходили на них, они прятались, я не знаю что это такое. И Мишка наш прятался, ну, наверно, голодный был, вышел пройтись, вдруг, найдет. И Женька рассказывает, что он бежал, а немец увидел бегущую собаку и выстрелил в него, и Миша кувыркался, кувыркался. Вы понимаете, они не терпели вот собак...

Отец вернулся и куда пошел работать?

Ну, во-первых, какое-то время он сидел дома, отсиживался. А потом же что-то надо зарабатывать, надо что-то есть, ведь самая большая проблема – есть нечего! Он пошел в депо, и его взяли машинистом, вот, который по территории депо маневры всякие...

Маневровый паровоз?

Да, и сколько-то времени он там поработал. Потом, когда немцы стали уходить, он престал ходить на работу. И, значит, мать все командовала ему: «Лезь на чердак, и чтоб тебя никто не видел, или там сиди в комнате и не выходи». И вот как-то он сидел во второй комнате и вдруг, это были самые последние дни, когда немцы были в Ростов, вошли немцы,

чиновные, наверно, потому что невероятный на них мундир, они просто поражали свои обликом. Их было много, человек 6–7, и они вдруг входят в наш дом. Ни с кем не говорят, ничего не спрашивают, а просто садятся на стулья, на сундук, который стоит, и сидят тихо. Перебрасываются так между собой словами. И просидели, наверно, час, а отец там сидит, и уже такая вот тряска началась: будут уходить, убьют, мужик, потому что. Они встали, молча ушли. Им, видимо, нужно было где-то пересидеть, может, машину ждали. Мы их не интересовали этих немцев, которые зашли. А что касается этого Терентия Баленко, то отец сказал, что Терентия немцы расстреляли за то, что им вредил. Тот самый Терентий Баленко, с которым они вместе, вроде бы, черт его знает, я не знаю, что это такое было. Но потом на отце лежала, конечно, эта печать, что он был тут под немцами. И когда наши вернулись, ну, поскольку отец мой, говорят, был таким умелым и умным человеком, он сразу обратился, и он командовал ростовским депо целый месяц или больше. И я помню, как он однажды пришел такой удрученный. Они с матерью говорили, и я подслушала. И разговор был о том, что он стоял у какого-то у начальника большого в кабинете, и зашел другой какой-то начальник, и тот ему сказал, назвал фамилию, и тот вошедший сказал: «А, окруженец». И потом отца убрали, но оставили работать в управлении дороги.

Вы сказали, что в 1944 г. он погиб?

Получилось вот еще что. Вот опять, понимаете, моя мамочка. Вот что такое женский характер, жуткий совершенно! Как-то отец пришел и сказал: «Наши ребята собрались поехать за картошкой и зерном. Вот, и им нужны были женщины, которые будут помогать мешки набирать, помогать покупать, не хочешь с ними поехать?» Ну, вагон какой-то куда-то отправляли железнодорожники, у них там свои возможности. Она сказала: «Хорошо, я поеду». И поехала. А когда она вернулась, я почувствовала какой-то жуткий разлад между ними. И поскольку мы спали в одной комнате, я слышала их ночные разговоры. И смысл, собственно, этих разговоров сводился к тому, что какому-то мужику, с которым она ехала, понравилась очень мать, и он сильно за ней ухаживал, а она позволяла себя трогать и всякие там такие деликатные сексуальные термины. И я чувствовала что-то ужасное, какой-то разлад. А тут война. А тут мне дали, вот жизнь смешная, мне лет 14, мне кто-то принес Шекспира, о котором я так много слышала, и я стала перечитывать все его основные трагедии, и они мне так понравились. И вот то, что отец с матерью, у них нелады, они ссорятся, там что-то ужасное происходит, мешало мне читать. А потом, значит, однажды, я сижу в школе, я хорошо училась, и отец вдруг заходит и забирает меня с урока. Оказывается, завтра он уезжает. Он добровольно записался в состав тех работников, которых отправляли на Украину, в связи с тем, что там освобождались новые районы, восстанавливать. И он записался и поехал, видимо, обидевшись на мать. Поехал, а там бомбежка, он просто под бомбежку попал, ему оторвало руку и ногу, он умирал минут пять...

Прямо там?

Да, там умер, там его похоронили. Я пыталась, потом, став взрослой, выйдя замуж, переписываться, искать. Никто не знает, где могила, никто, ничего... Там один человек обещал, значит, что-то там поискать, что у него есть какие-то догадки, но ничего не получилось. Вот так отец погиб 10 мая 1944 г. 10 мая умер Виталий, мой муж, в 1978 г. 9 мая умерла моя свекровь, за год до смерти моего мужа, 10 мая умерла моя тетка. И вот все празднуют, а у меня это день скорби...

У Вас был свой частный дом, а рядом были дома соседей. Отношения между соседями как-то менялись во время войны?

Я же говорю, что это один социальный слой. Вы знаете, я бы не сказала. Какими были люди, такими они и в период войны оставались. Но что-то новое открывалось. Там были люди вот такого украинского происхождения, такого, южнорусского, и говорили они на южнорусском диалекте: «Шо це воно таке». И так далее. А были люди, приехавшие с севера, а у этих северный диалект, то, что называли «кацапский». И вот у нас две бабки, которые дружили, Канабееха и Пианиха. Канабееха толстая такая, а Пианиха худая, старые обе и совершенно малограмотные! И вот какое-то время над Ростовом повесили, это еще при наших, азростат висел. Ну, значит, все дети заглядывались, и взрослые. И при мне такой смешной разговор произошел. Значит, Канабееха кричит, зовет Пианиху: «Ты видела, посмотри». А та: «Ой!». Долго, долго смотрит и произносит прекрасные слова: «Гихтеровы яйца». Это народный юмор по отношению к войне. Ну, вот такое вот было.

Нет, я не могу сказать, предавали или лучше стали, но вообще помогали. Вот, когда отец погиб и нужно было печку поставить в наших комнатах, в бабушкиной была... Мать хотела, чтобы она одна жила, в наших двух комнатах не было печки. И мать пожаловалась нашему соседу, который только что вернулся с войны, он был печник. И вдруг он пришел, у него была огромная семья, человек шесть детей, и всю ночь клал печку, а когда мама хотела ему заплатить, он сказал, что не возьмет с сирот деньги. И такие вот отношения были. Потом вот эта семья, которая с немцами ушла, непонятно было, мы понимали, что они откуда-то с Западной Украины. Но это не в 1940 и в 1939 г., это было раньше. Они упоминали эти места, бабка их говорила вот на этой украинской мове. И вот они вдруг пришли прощаться, машина сейчас придет за ними. Мать пыталась отговорить: «Наташа, да что ты, трое детей. И что ты с ними будешь делать...»

А кто же их вез?

Вот не знаю, она сказала, что машина приедет. Может, договорилась с кем-то.

Больше о них ничего не знали?

Нет. У них фамилия была Барабаш, такая, западноукраинская.

Мать переживала, когда отец погиб?

Она переживала.

Вы говорили, что у них непростые отношения были?

Она переживала, но не каялась. Вот если бы я не слышала их разговоры, так и до сих пор бы не знала, что между ними произошло.

Больше во время войны она никого не встретила?

Она как лошадь работала, надо было Женьку поднять, и я хотела поступить в университет, а она меня все отговаривала: «Что это за факультет такой литературный, что ты будешь делать, учительницей будешь копейки зарабатывать, вот шла бы в медицинский». Но все-таки я пошла, причем она к моим успехам была равнодушна. Когда я поступала в университет, был какой-то жуткий конкурс, страшный.

В каком это году было?

В 1948 г. Причем сразу кинулись ребята, которые из армии пришли. И у нас еще не просто, а историко-филологический факультет, значит, историческая специальность, значит, какие-то партийные должности... И вдруг, я получаю по всем предметам пятерки, меня приняли! Я пришла домой и думала, что она поздравит меня, скажет что-нибудь приятное. Ничего не сказала, разговаривает с соседкой. Но она меня тянула. Кормила, одевала как-никак. Да нет, соседи как соседи.

Вы про Женьку рассказывали, как она к евреям плохо относилась. Были случаи, что кого-то выдавали или прятали?

Да нет, в нашем этом районе, Красном городе-саде...

Сдавать некого было?

Совершенно верно, евреев не было. Чтобы кто-то кого-то сдал, не было у нас такого. А вот, напротив, я вам расскажу вот что. Три года в начальных классах я сидела за партой с девочкой, фамилия которой Журкина, Журкина Валя. Ее родители были из какого-то казачьего хуторка. Но отец был очень деловым каким-то, хвастливым, глупым, но умел делать какие-то свои дела, все его звали Ванька Журкин и как-то не уважали очень его. Так вот, дело в том, что когда немцы были, он пришел тоже, как окруженец.

Был на фронте?

Да, был на фронте. Пришел и как-то начал поднимать его семью, и я встречалась с его дочкой, я так почувствовала, что они так прочнее живут, мы вообще на каких-то обедах сидели. А там, в общем, какой-то избыток или преизбыток. И вдруг его назначают старостой.

Квартала или участка?

Несколько кварталов, участок такой. До этого была женщина, а мать моя была у нее в секретарях. А это Ваньку Журкина назначили. Но Ванька Журкин никого не выдал. Напротив, когда пришли наши, и к Ваньке Журкину наши власти прицепились, и велось следствие, то наши женщины его защищали. Я даже слушала подробные рассказы о том, как они на суде выступали, как они его защищали, как он давал знак, что прячьтесь, что кого-то там немцы придут проверять, и спасли, в общем, его.

Не посадили?

Не посадили, отпустили. Нет, нет, таких безобразных случаев я не знаю.

А досуг был, было какое-то свободное время?

Да какой там досуг! Керосина не было, даже для лампы. У нас были коптилочки.

А Шекспира как читали?

При коптилочке или днем. Нет, и потом пораньше ложились спать, потому что света нет, холодно. И потом надо было уголь доставать, дров же тоже ничего не было.

Когда уже освободили наши, в кино ходили?

Сейчас не помню, ну, наверно, я тогда ж немножко повзрослела. Нет, бегала из школы, в старших классах школы мы собирались, и ходили кино смотреть иногда.

Кинотеатр недалеко был?

Это надо было идти с окраины.

Здесь не было поблизости ничего?

Здесь поблизости был, по-моему, в Лендворце, но там как-то нерегулярно, не постоянно.

На поздние сеансы ходили? Отпускали?

Да нет. Страшновато было. А школа... я вам скажу вот что, при немцах отрылись школы.

Вы учились?

Да. Мать молодец, она меня всегда толкала. Я ей говорила: «Немецкая школа, не хочу». Мать говорила: «Да что тебе будет, иди, учи и все». Учителя были не те, который в начальных классах, хотя должна была в четвертом учиться, учителя были из среднего звена, специалисты. Специалистка по русскому языку, специалист по географии, вот такие учителя у нас были. И знаете что, вот тоже странное ощущение, но так как я была, в общем, отличница, и вот тут всякие пионерские обязанности, пионерские задания, вот они давили просто. Я там была каким-то членом какой-то ученической комиссии...

После немцев?

Нет, это 1–3 классы. Море всяких вот таких обязанностей, а поскольку я хорошо училась, у меня вообще очень много обязанностей всяких было. А когда вот мы пришли в эту школу, нам никаких обязанностей и мне почему-то показалось, что как хорошо учиться. Ну, вот такое ощущение, ну что я могу поделать...

А учебники те же были или что-то изменилось?

Я уже и не помню, по каким учебникам. Русский язык – да, наверно, был тот же.

Не вырывали из учебников истории страницы, портреты вождей, Сталина?

Нет, ну учителя ж наши были, и они мягко относились и хорошо объясняли. Ну, сколько эта школа... открылась осенью, наверно: октябрь, ноябрь, декабрь – три месяца. Там даже елку нам устроили. Кто на ту елку деньги давал? И даже какие-то игрушки были, свечи...

А при наших не было елок?

Нет, почему, устраивали. И вот в этой школе при немцах тоже была елка. Тепло там было, топили. В нашем районе был такой белый магазин, в магазине ничего не стало, и там сделали школу. Но школа была только до 4 класса, и я помню, как учительница немецкого языка, из нашей школы, где она когда-то учила нас в старших классах, когда она писала что-то на доске и вошли двое немцев, но рядовые, они постояли несколько минут, постояли, и ушли.

Не кормили в школе?

Нет.

А при наших кормили?

Ой, знаете, давали. Ну, во-первых, сразу разделили, нет, по-моему, один год мы проучились вместе с мальчишками...

Что лучше, совместное или раздельное обучение?

Вот эта школа, что я говорила, вот эта длинная школа, там был немецкий госпиталь потом, когда немцы заняли. Видимо, это был госпиталь, потому что нескольких немцев похоронили, ну, прямо, вот, буквально рядом с этой школой. Поставили крестики какие-то, и эти могилы сохранялись, и кресты на них были, пока этот участок не отдали под строительство каким-то частным людям. Те, конечно, все это дело убрали, построили свой

дом и от могил ничего не осталось. Потом, значит, разделили нас, пятый класс, это уже отдельно.

Так вот, о школе. Когда немцы уходили, школа начала гореть. Кто ее поджог, непонятно, но она очень интересно сгорела. Вот, если б так вот вертикально ее разделить пополам, одна половина горела, а другая нет, одна сгорела совершенно. И вот то, что осталось, то отвели под наш класс. Как мы проводили перемены: девочек у нас почему-то было мало, а мальчиков много. И мы играли в «ловитки», бегая по вот этим, как называется, по палкам, которые остались от пожара, а под нами бездна до первого этажа, а мы на третьем, не то на четвертом, и мы друг друга ловили. Вот такие у нас игры были. Наверно, это вредно, разделять мальчиков и девочек. Потому что, собственно, пять лет я в женской школе проучилась, и знаете, это как-то отделяет от ребят. Уже действительно воспринимаешь их как совершенно чужой род, лишаешься какой-то естественности и простоты отношений.

Отношения с одноклассницами были хорошие или война как-то повлияла на них?

Да нет, отношения были хорошими. Ну, единственное что, мы все сидели одетые, замерзали страшно. Я помню, однажды пришли, а класс у нас залит водой почему-то, и лед застыл. И мы друг друга на стульях катали по этому льду. Вошла наша учительница русского языка. И мы думали, что она нас будет ругать, а она постояла, посмотрела и сказала: «Вы маленькие герои».

Вам или, может, соседям письма писали с фронта или Вы кому-то на фронт писали?

Вот, забрали из нашего квартала, я говорила, двух мальчишек лет по 15, Сережку Иванова и Володю Рекуса, они соседи были. Они, по-моему, ничего не писали. Ну, Виталий писал письмо домой, когда пришли американцы. Самое главное, он перепугался страшно, он понял, что забыл точный адрес домашний. Написал наобум письмо, а, оказывается, написал правильно, и мать получила. Взяли этих ребят, и женщину молодую, известий от них никаких не было, и вдруг, по окончании войны, возвращается Сережа Иванов, возвращается один. И его соседка, мать второго, Рекусиха называли ее, она значит спрашивает: «А Володька где?» Тот говорит: «Да вот мы с ним расстались, я не знаю где он». А потом выяснилось, что, потом через соседей узнали, что Володька пытался бежать, и его забили до смерти. А Сережка не мог огорчить мать и сказать, что Володьку при нем забивали. И он молчал, и когда наши пришли. Я вот не помню, то ли я сама это видела, то ли рассказывали, что на нашей улице появились наши ребята, Рекусиха, не зная ничего о сыне, еще Сережа не вернулся, она выбежала и обняла первого попавшегося и говорила, дескать, вы пришли, вот, теперь спасайте наших деточек, которых немцы забрали. И тот ответил вроде бы очень резко ей: «А чего же он туда попал?» Вот, дескать, чего он не хотел воевать, как мы. И после этого Рекусиха не вспоминала совершенно ни в каких разговорах о своем сыне Володе. И вот улица вся знала, что Володю забили, как Сережка сказал, а ей никто, до смерти так она и не узнала, что с Володей. А этого Сережу – его через полгода зарезал бандит какой-то. Сережа шел на работу ночью, на него напал какой-то бандит, отобрал у него какие-то жалкие деньги и зарезал. Вот такие судьбы жуткие.

Вы дневник не вели?

Нет, не вела, ленива. Да, вот, насчет писем. Когда наши пришли, нашему угловому дому повезло, два раза у нас стояли лазареты. Полевой лазарет назывался, народу было, как мы там помещались.

Раненые, наверно, в кальсонах ходили?

Нет, а раненых и не было. Только один раз, ночью принесли человека, который ужасно стонал, а больше раненых не появилось. Это было, когда немцы, собственно, в Таганроге были. Вот там были милейшие люди и врачи, особенно медбрат, звали его Яша. Это был такой простоватый деревенский парень, такой огромный, сильный, чувствовалось. И так он подружился с нашей семьей, и потом он писал нам все время письма.

А кому именно адресовал, маме?

Вот, я не помню, я думаю, что он писал просто так фамилию – Кононыхина. Вот так вот, милый очень парень.

Отвечали?

Но не я писала ему, мне не по чину.

А кто, мама отвечала?

Мама, конечно.

Письма как читали, все вместе или каждый сам?

Да, все вместе.

За ужином?

Да какой там ужин! Вот пришло письмо, Яшка написал. Он даже фотографию прислал, безграмотной надписью Яшиной, совершенно. Он сидит в центре, рука у него перевязана, он был ранен и рядом отец, рядом мать и надпись: «На память сфотографировался Ваш сын с родителями».

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, проект «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» (АААА-А15-115102010107-5) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

Примечания

1. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 152–162.
2. Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P. Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // Русский архив. 2015. № 4. С. 256–266.
3. Krinko E.F., Khlynina T.P. An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 163–190.
4. Krinko E.F., Khlynina T.P. An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 191–207.
5. Krinko E.F., Kurbat T.G. “I have passed from Stalingrad to Berlin”: interview with Vasily Ivanovich Peretyatko // Русский архив. 2015. № 2. С. 148–161.
6. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь–декабрь 1941. М.: Центрполиграф, 2013. 318 с.
7. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 г. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
8. Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону: Книга, 2006. 128 с.
9. Сёмина-Кононыхина В.Н. За строкой «Нагрудного знака “Ост”». Таганрог: «Нюанс», 2010. 32 с.
10. Сёмина-Кононыхина В.Н. За строкой Нагрудного знака “OST” // Сёмин В.Н. Нагрудный знак “OST”. М.: АСТ, 2015. С. 599–614.
11. Сёмин В. Что истинно в литературе. М.: Советский писатель, 1987. 400 с.
12. Виталий Семин в воспоминаниях, письмах и литературной критике / Сост. Е.Г. Джичоева, В.Н. Кононыхина-Семина. [Ростов-на-Дону]: «Орбита», «Ковчег», [Б.г.], 312 с.

References

1. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Russkij arhiv. 2014. T. 5. № 3. S. 152–162.
2. Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P. Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // Russkij arhiv. 2015. № 4. S. 256–266.
3. Krinko E.F., Khlynina T.P. An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov // Rus-skij arhiv. 2014. T. 5. № 3. S. 163–190.
4. Krinko E.F., Khlynina T.P. An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova // Russkij arhiv. 2014. T. 5. № 3. S. 191–207.
5. Krinko E.F., Kurbat T.G. “I have passed from Stalingrad to Berlin”: interview with Vasily Ivanovich Peretyatko // Russkij arhiv. 2015. № 2. S. 148–161.
6. Afanasenko V.I., Krinko E.F. 56-ja armija v bojah za Rostov. Pervaja pobeda Krasnoj armii. Oktjabr'-dekabr' 1941. M.: Centrpoligraf, 2013. 318 s.

7. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941/1942 gg. 1943 g. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2011. 228 s.
8. Smirnov V.V. Rostov pod ten'ju svastiki. Rostov-na-Donu: Kniga, 2006. 128 s.
9. Sjomina-Kononyhina V.N. Za strokoj "Nagrudnogo znaka "Ost"". Taganrog: "Njuans", 2010. 32 s.
10. Sjomina-Kononyhina V.N. Za strokoj Nagrudnogo znaka "OST" // Sjomina V.N. Nagrudnyj znak "OST". M.: AST, 2015. S. 599–614.
11. Sjomina V. Chto istinno v literature. M.: Sovetskij pisatel', 1987. 400 s.
12. Vitalij Semin v vospominanijah, pis'mah i literaturnoj kritike / Sost. E.G. Dzhichoeva, V.N. Kononyhina-Semina. [Rostov-na-Donu]: "Orbita", "Kovcheg", [B.g.], 312 s.

УДК 929/947.0

**«И когда немцы пришли, мы их не очень интересовали...»
интервью с Викторией Николаевной Кононыхиной-Сёминой**

Подготовка к публикации, введение и комментарии

Евгений Федорович Кринко

Южный научный центр Российской академии наук
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Интервью с Викторией Николаевной Кононыхиной-Сёминой (1930–2016) посвящено ее военному детству. Значительное место в нем уделяется событиям нацистской оккупации Ростова-на-Дону в конце осени 1941 г. и лета 1942 г. – зимы 1943 гг. Автор воспоминаний подробно рассказывает о том, как складывались отношения в семье во время войны, о повседневной жизни советских граждан, восприятию противника и других вопросах. Воспоминания В.Н. Кононыхиной-Сёминой являются ценным свидетельством того, как война и оккупация повлияли на взаимоотношения между близкими людьми.

Ключевые слова: Виктория Николаевна Сёмина (Кононыхина), Великая Отечественная война, устная история, немецкая оккупация, Ростов-на-Дону, дети войны.